

Научные дискуссии как метод развития библиографове- дения (на примере 1950—1960-х гг.)

Дана характеристика дискуссионной ситуации, сложившейся в отечественном библиографоведении в середине XX столетия. Рассматриваются основные концепции, выдвигаемые в ходе теоретической дискуссии. Показано влияние социальных и политических факторов на развитие науки. Подчеркивается значение дискуссии в формировании теории библиографии.

Ключевые слова: научная дискуссия, библиографоведение, теория библиографии, история библиографоведения, дискуссионная ситуация, концепция, парадигма.

История научного знания изобилует дискуссиями, связанными с актуальными теоретическими и философскими проблемами науки. Готовность отстаивать свои взгляды с помощью эмпирических и рациональных аргументов выступает в развитии науки неотъемлемой составной частью позиции ученого — представителя научного сообщества.

В дискуссиях сталкиваются и сплетаются в один узел и жгучие проблемы, волнующие современников, и особенности творческого подхода к их решению, характеризующие участников дискуссий, и, наконец, человеческие характеры. Логика развития науки, психология научного творчества, индивидуальный и коллективный вклад в понимание той или иной научной проблемы — все эти вопросы могут быть выявлены и разъяснены при внимательном рассмотрении дискуссий.

«Под научной дискуссией будем понимать коллективное теоретическое исследование научной проблемы, по которой имеются различные и противоположные мнения (в силу чего оно зачастую принимает форму полемики), преследующее цель приращения, доказательства или оценки нового научного знания, а также экспликации научных проблем» [34]. Научные дискуссии позволяют увидеть научное сообщество как открытую, динамичную, насыщенную противоречиями

**Наталья Владимировна
Абросимова,**
заместитель директора по
научной работе
Ярославской областной уни-
версальной научной библио-
теки им. Н.А. Некрасова,
соискатель аспирантуры
Российской государственной
библиотеки

и социально детерминированную систему. Далеко не всегда в конкретной дискуссии можно с полной уверенностью отделить элементы «чисто научной дискуссии» от мировоззренческих и социальных аспектов. Дискуссия острее, чем какой-либо другой феномен научного познания, подчеркивает невозможность получить адекватную картину развития науки без учета его связи с идеологическими и культурно-экономическими факторами.

Рассмотрим кратко обстановку, в которой развивалось библиографоведение в послевоенное время, характеризующееся в отечественной истории как период восстановления народного хозяйства. Все научные и практические силы были брошены на воссоздание разрушенной страны на качественно новом уровне: Великая Отечественная война внесла большие коррективы в сознание людей, победивших фашизм, прошедших через годы потерь, испытаний, невзгод. Борьба с инакомыслием, «низкопоклонством» и «космополитизмом», поиск «вредителей» и шпионизма — реалии 1940-х — начала 1950-х годов. К концу 1950-х гг. идеологическое давление несколько ослабло, что, в частности, дало возможность возобновить исследования по общей теории книговедения и организовать в Москве в 1959 г. и 1964 г. книговедческие дискуссии, результаты которых публиковались на страницах нового издания «Книга. Исследования и материалы».

Библиотечная практика и библиотечное образование

Для библиографии большое значение имело ее активное вхождение в библиотечную практику. Процессы интеграции библиотечной и библиографической деятельности, начавшиеся еще в XIX в. с выработки методических решений классификации и систематизации фондов, создания рекомендательных «примерных каталогов», в результате привели к появлению библиотечной библиографии. Начиная с 1918 г. в крупных библиотеках создаются справочные бюро, в которых постепенно отделяется специализированная деятельность библиографического обслуживания. Начиная со второй половины 1930-х гг. отмечается становление деятельности библиографического информирования и усиливается ориентация на библиографические потребности [12]. Непосредственная связь библиотекаря и читателя в процессе обслуживания позволяла дифференцировать читательские запросы, изучать их, оказывать на них влияние через систему руководства чтением.

В период, когда закладывались основы профессионального библиотечного образования (1930-е гг.), определяющую роль в формировании предмета преподавания библиографии сыграли взгляды Л.Н. Троповского, Н.В. Здобного, Б.С. Боднарского и других специалистов, отразившие книговедческое понимание библиографии. Эти взгляды развивались и углублялись, но в целом не пересматривались. Библиографическая подготовка библиотечных кадров, оснащавшаяся учебной литературой, выявила нарастающий конфликт в определении предмета преподавания, а также между развивающимся содержанием и созданной системой дисциплин.

Истоки дискуссии

Появление техникумовского (1954) [14] и вузовского (1957) [24] учебников по курсу общей библиографии вызвало специфическую дискуссионную ситуацию, когда новое знание появляется в форме ряда либо различных, либо противоречащих друг другу гипотез. Закончилось теоретическое затишье, начавшееся после Всесоюзного совещания по теоретическим вопросам библиотековедения и библиографии 1936 года. В ходе дискуссий затрагивались вопросы теории библиографии, а не только объема курса, наполнения его отдельных частей и методики пре-

подавания. Обсуждения учебников и развернувшейся дискуссии проходили на кафедрах библиографии библиотечных институтов (Московского, Ленинградского, Харьковского), на совещаниях библиографов Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина (ГБЛ) и Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), в журналах «Советская библиография», «Библиотекарь», «Мир книг». Студенты Московского государственного библиотечного института (МГБИ) высказывали свое мнение об организации и содержании обучения на страницах институтской газеты «Библиотечный авангард».

Напомним, что дискуссионная ситуация возникает в период появления нового знания, например, при формировании актуальных проблем и направлений науки, при смене одной теории другой, старого понятия новым. Наиболее «дискуссионными» являются периоды революции в науке, в особенности, когда происходят качественные изменения в системе научного знания, смена одной фундаментальной теории (концепции) другой и т. д. [19].

Концепция («мысль», «понимание», «представление») трактуется как определенный способ понимания, интерпретации каких-либо явлений, как ведущий замысел определенных видов деятельности и результат взаимосвязей между фактами, их происхождением и развитием. В библиографических концепциях отражается специфика связей между книгой и читателем.

«Два направления практики библиографирования (и ее результатов) обусловили возникновение двух путей теоретического отражения практической библиографической деятельности: а) в ее отношении ко всему потоку печатной продукции и потребностям общества в целом; б) в отношении к отдельным частям документального потока и особым потребностям отдельных общественных групп. Они стали истоком двух концепций библиографии — книговедческой и читателеведческой, теоретически отражающих практику опредмечивания деятельностью библиографа особых сторон книги и читателя, входящих в систему вторично-документальных отношений» [7, с. 90].

Выделение двух основных направлений — книговедческого и читателеведческого — логически восходит к дореволюционному периоду развития библиографии. Идеологией последователей «академического» подхода было признание библиографии как самостоятельной науки в рамках книговедения. Сторонниками «общественного» направления взяты на вооружение читателеведческие идеи библиографии, изучающей книгу в целях ее продвижения и использования. Ученые отмечают, что говорить о сложившихся концепциях библиографии XIX — начала XX в. нет оснований (А.В. Соколов, Э.К. Беспалова). Этот люби-

тельно-филологический период отмечен спорами не о сущности библиографии, а о ее прикладных функциях, общественном назначении — просветительно-педагогическом («общественники») или научно формалистическом («академисты») — в рамках общего книговедческого подхода к библиографии [31, с. 147—148]. Специалисты XIX в. выдвигали несколько положений: библиография есть наука о книге, т. е. книговедение в широком смысле; библиография — область практического книгоописания, а книговедение — ее теория; библиография — это наука о способах составления указателей; книговедение — широкая наука, в которой библиография занимает определенное место (книгописание). Взгляды отдельных теоретиков уточнялись и изменялись во времени. Особенности можно проследить в том, как они видят предмет библиографии, определяют степень ее самостоятельности и научности. В теоретических исследованиях современных авторов (Э.К. Беспаловой, Н.К. Леликовой, Е.А. Мануйловой, А.А. Беловицкой, А.А. Гречихина) выделяются четыре основные концепции библиографии, развивавшиеся в рассматриваемый период: книговедческая и читателеведческая, концепции «библиография-наука» и «единая» библиография. А.В. Соколов выделяет одну концепцию — «советская библиография — библиография нового типа» [31, с. 150], с чем трудно согласиться. Поскольку в книговедении не было единства в вопросе определения его структуры, выделим в нем два подхода, приведенные ниже под пунктами 1—2, добавим документографическую концепцию, обоснование которой началось в ходе дискуссии, и рассмотрим шесть концепций.

Итак, к середине XX в. в отечественном библиографоведении сложилась дискуссионная ситуация, которая вылилась в споры по теоретическим вопросам библиографии середины 1950-х — начала 1960-х годов. Правда, Э.К. Беспалова считает, что подлинное начало этой дискуссии относится еще к концу 1940-х годов. По ее мнению, состояние библиографической теории было настолько застойным, что нужно было вмешательство «человека со стороны», хорошо владевшего теорией К. Маркса о человеческой деятельности, позволявшей показать, что в библиографии, как в любом другом виде деятельности, есть предметно-практическая и научная формы труда [8, с. 42—43]. Катализатором послужило выступление профессора политэкономии И.Г. Маркова в 1947 г. на заседаниях ученого совета МГБИ и в 1948 г. — в «Трудах» института по вопросу о предмете и методе библиографии.

Итак, какие же концепции библиографии столкнулись в ходе дискуссии середины XX века?

1. «Книговедение — комплекс наук». Активно продолжало развиваться книговедческое направление в определении библиографии, ее

объекта и предмета. Включение библиографической практики и науки в состав книговедения расширяло и предметы этих областей деятельности.

Представители данного направления придавали библиографии относительно самостоятельный характер. Долгое время и глубоко занимался этими вопросами Е.И. Шамурин (Российская книжная палата (РКП); МГБИ). Он представлял книговедение в виде «сложного конгломерата разнообразных наук и дисциплин», состоящего из четырех частей: 1. Теория книговедения в целом — включает общие вопросы книжного дела, социологию и экономику книги; 2. Производство книги (в широком смысле понятия «книга» как любое произведение письменности и печати), а также законодательство о печати; 3. Науки, изучающие книгу в готовом виде — библиография, книжная торговля, изучение читательского рынка; 4. Науки, изучающие собирание, распространение и потребление книг: архивоведение, библиотековедение, библиофилия, библиопсихология, изучение читательских интересов и процессов чтения [35, 36].

Другим представителем концепции книговедения как комплекса наук был К.Р. Симон (Фундаментальная библиотека общественных наук Академии наук СССР им. В.П. Волгина (ФБОН АН СССР); МГБИ), выделявший два значения библиографии: 1. Особый вид научной литературы, вспомогательной для любой науки и практической деятельности и имеющей особое значение для истории культуры; 2. Дисциплина, входящая в состав науки книговедения и посвященная разработке методов и приемов, требующихся для составления указанных перечней, списков и обзоров [28, с. 186—187].

Последователем книговедческого направления был И.Г. Марков, определивший библиографию как часть книговедения и как книговедческую науку, которая является социально-политической и идеологической дисциплиной [22].

Общее развитие этой концепции было предпринято историком и теоретиком книги, профессором Е.Л. Немировским, предложившим рассматривать книговедение, с одной стороны, как единую и цельную научную дисциплину и, с другой стороны, как комплекс отдельных самостоятельных дисциплин книговедческого цикла — концепция «пересекающихся наук».

2. *«Книговедение — комплексная наука».* Относя библиографоведение к циклу книговедческих наук, сторонники этого направления соответственно определяют ему комплексный триединый объект: «книга — библиография — читатель». Библиографоведению придаются преимущественно книговедческие задачи, так как для оценки качества библиографической продукции (чем, разумеется, обязано заниматься библиографоведение) никак нельзя обойтись без изучения «первичного потока» [2, с. 40].

А.И. Барсук (ГБЛ) обозначил дисциплины, которые «являясь областями, отраслями или “ветвями” книговедения, образуют эту комплексную науку»: общая теория книговедения; история письменности, печати, издательского дела и книгораспространения; организация, экономика и планирование издательского дела; теория и практика оформления изданий; организация, экономика и планирование книгораспространения; статистика печати; теория и практика библиотечного дела, библиофилия; теория и практика библиографии [5, с. 38—39]. Объединяющим началом для этих дисциплин является единство объекта, а также единая «книговедческая» специфика подхода к этому объекту, общность цели и общественного назначения.

Объектом библиографии как практической деятельности является система «книга-читатель», но вторая сторона этого системного объекта теоретически не развита, хотя проблеме определения роли читателя были посвящены статьи А.И. Барсука [3, 4] и И.Е. Баренбаума (Ленинградский государственный библиотечный институт (ЛГБИ) [2].

Разработкой концепции «книговедение как комплексная наука»

активно занимались книговеды А.А. Сидоров и Н.М. Сикорский. Выдвинутая ими формула: «Книговедение — комплексная наука о книге и книжном деле» обсуждалась в ходе второй книговедческой дискуссии (1964). Комплексный характер междисциплинарной науки аргументировался пониманием самого объекта науки как комплекса «книга и книжное дело», к которому логически относилась и библиография. В результате такое понимание было закреплено определением книговедения в третьем издании Большой советской энциклопедии (1973).

3. Концепция «библиография-наука» не признавала существования отдельно взятой теории библиографии. Она была подготовлена исторически и опиралась на опыт представителей «академической школы» (Р.И. Минцлов, Г.Н. Геннади, А.Д. Торопов, С.А. Венгерова, М.Н. Куфаев, Н.Ю. Ульянинский, Б.С. Боднарский и др.), создавших в дореволюционный период более или менее законченные теоретические представления о библиографии как науке об описании и систематизации произведений печати, главной социальной функцией которой является подытоживающая или историко-культурная.

Н.В. Здобнов (МГБИ) одним из первых стал рассматривать библиографию не как составную часть книговедения, а отдельно: он не отождествлял предметы «теоретической» и «практической» библиографии, хотя и считал их частями единой научной дисциплины и практическую библиографию рассматривал как научную деятельность. Н.В. Здобнов сделал вывод о том, что библиография отстала в своем развитии от других современных наук: «Библиография, как наука, находится в процессе становления, но библиография, бесспорно, относится к научному знанию» [15, с. 181].

В структуре первых учебников по общей библиографии стало наглядно обозримым преобладание источниковедческого содержания, уходящее корнями в книговедческую концепцию. Отраслевые курсы библиографии, преподававшиеся в библиотечных институтах, имели преимущественно научное наполнение, расширенное за счет включения книговедческого знания (особенности издания отраслевой литературы). В преподавании этих курсов сознательно выдвигались задачи «дать представление о содержании книг», «ориентацию в существе вопроса», «знакомство с основными производственными терминами» и т. д. Такие установки являлись следствием убеждений концептуального характера.

Так, Г.М. Марковская как практик отраслевой (исторической) библиографии и преподаватель МГБИ в ходе теоретической дискуссии отстаивала свои убеждения в том, что библиография является научной дисциплиной, предмет изучения которой — книга (произведение печати). Она утверждала, что специфика библиографии как научной

дисциплины заключается, прежде всего, в том, что она характеризует состояние литературы для ее практического использования различными категориями читателей в определенных целях. В этом, по ее мнению, и выражается важнейшая функция библиографии как научной дисциплины [23]. Право библиографии называться наукой, которая реализует свои исследования в форме библиографических пособий, защищал и Д.Ю. Теплов (ЛГБИ) [32].

В конце XX в. в когнитологической (знаниевой) концепции В.А. Фокеева и Л.В. Астаховой, отстаивающей научное достоинство библиографии, наблюдается возврат к основным тезисам концепции «библиография-наука».

4. Концепция «единой» библиографии (теория «вспомогательности») была предложена и обоснована в 1930-е гг. главным образом в трудах Л.Н. Троповского. Исторически данная концепция сформировалась в первые десятилетия советской власти как антипод дореволюционного «академического» книговедческого направления. «Комплексная» концепция библиографии (объединяющая теорию библиографии, библиографические источники, практические процессы библиографирования и использование библиографических источников) по существу, пользовалась формулой «библиография-наука» и вырабатывалась постепенно в ходе теоретической работы в 1920—1930-х годах. Существенный результат этого этапа — определение библиографии Л.Н. Троповским, сформулированное по итогам Совещания 1936 года [33, с. 55]. Библиография признавалась вспомогательно-прикладной дисциплиной, обслуживающей нужды всех наук и областей практической деятельности. Отмежевание от книговедения как обобщающей науки, оказавшейся в 1930-е гг. в кризисном положении, позволило библиографии «выжить». В целом, теоретические проблемы подменялись методическими, что соответствовало общей установке подчинить теорию практике.

Исходя из положения о том, что задачи библиографии должны определяться задачами социалистического строительства, Л.Н. Троповский выдвигал на первый план рекомендательную библиографию как наиболее актуальную для своего времени. Развитие методики, а затем и теории рекомендательной библиографии позволило исследователям определить вторую сторону системного объекта библиографической деятельности, а именно, читателя.

Основные теоретические положения, сформулированные Л.Н. Троповским, оставались доминирующими на протяжении 20 лет и получили дальнейшее развитие в работах М.А. Брискмана, Ю.П. Антипиной, Н.С. Лебедевой (ЛГБИ) [1, 10]: «Теория библиографии — это лишь скромный раздел во много раз более широкого явления, явления действительно большого общественного зна-

чения — библиографии в целом, и ни о каком особом предмете теории библиографии говорить не приходится... Предмет библиографии остается в конечном счете и предметом теории библиографии» [10, с. 82—83].

Концепция вспомогательности библиографии по существу тоже являлась книговедческой. Читатель (с точки зрения системного подхода) рассматривался как элемент внешней среды, но практические задачи библиографического обслуживания и руководства чтением требовали ориентации на потребителя.

5. *Читателеведческая концепция.* Возникновение интереса к читательским потребностям зарождается в библиографии вместе с практикой библиографического обслуживания. Читателеведческие идеи можно считать производными, следующими за книговедческими и первоначально имевшими выражение в оценочной функции специального библиографирования [6]. Еще в конце XIX в. Н.А. Рубакин на стыке нейрофизиологии, психологии, лингвистики и социологии начинает разрабатывать библиопсихологию, исходной точкой которой является не изучение книг и их авторов, а изучение читателя и слушателя и психологических явлений, происходящих в них [27]. К 1920-м гг. относится повсеместное распространение идей Н.А. Рубакина: возникло целое направление изучения читателя, процессов чтения. Однако теоретическая трактовка библиографии оставалась прежней — это научная дисциплина книговедческого цикла.

До 1950-х гг. отмечалось затишье в изучении интересов читателей, но уже в дискуссии середины 1950-х гг. этот вопрос поднимается как один из основных: «Библиографическая работа всецело зависит от потребностей читателя. Она не может игнорировать их в угоду какого-то отвлеченного изучения произведений печати» [27, с. 38].

И.И. Решетинский, В.А. Николаев (МГБИ), В.Т. Вытяжков (Харьковский государственный библиотечный институт (ХГБИ)) резко выступали против концепции «библиография — наука, предметом изучения которой являются произведения печати» и отмечали возрастающую роль читателя как объекта библиографической деятельности [13, 26]. Но выделяя теорию библиографии, они ошибочно отождествляли ее с наукой. Ю.А. Меженко (ГПБ) указывал на необходимость перенесения внимания с книги на ее социальную роль, что требует иметь в виду не только книгу и ее автора, но и читателя [20, с. 252—257]. Защищала интересы читателей и Б.А. Смирнова (ГБЛ), последовательно разрабатывавшая теорию и методику рекомендательной библиографии [29, 30].

По оценке М.А. Брискмана, новое и полезное вносили в теорию те библиографы, которые были связаны либо с расширявшейся справочной работой в научных библиотеках, либо с приобретающей все большее значение рекомендательной библиографией, либо с таким практически актуальным делом, как краеведение [11].

Взгляды представителей концепции нашли отражение в первом терминологическом стандарте ГОСТ 16448—70 «Библиография. Термины и определения», в группу разработчиков которого входил И.И. Решетинский.

6. *Документально-информационная (документографическая) концепция.* Новый взгляд на существующую ситуацию отражает определение объекта и предмета библиографии, данное О.П. Коршуновым (МГБИ) [16, 17, 18]. Он указывал: «Система «книга—читатель» в ее общем виде есть единство, но не тождество» [17, с. 64]. Автор концепции опирался на один из принципов марсистско-ленинской философии — принцип единства познания и практики, знания и действия, причем это единство неравноправных сторон: конечная цель заключается в предметно-практическом изменении действительности. Используя метод восхождения от абстрактного к конкретному, он ввел в теорию библиографии понятие библиографической информации и обосновал ее функции в системе документальных коммуникаций («документ—потребитель информации»)

[18]. На протяжении 20 лет эта концепция была господствующей (но не единственной) и нашла отражение не только в научной, но и в учебной литературе.

Важным событием, повлиявшим на развитие теории библиографии, стало расширение методологической базы за счет инструментария системно-деятельностного подхода и рассмотрение библиографии как сложно организованной общественной структуры. Если раньше под термином «библиография» подразумевались понятия «библиографическое пособие», «библиографическая деятельность», «библиографическая наука», то в ходе дискуссии представители разных концепций (читателеведческой и документально-информационной) разделяли библиографическую практическую деятельность и библиографоведение и делали вывод о том, что у теории и практики разные объекты [25, с. 40—41]. Важно отметить, что влияние деятельностной концепции позволило изменить основной тезис концепции «библиография-наука» и поставить вопрос о науке библиографии, т. е. библиографической науке. Примечательно, что М.А. Брискман ввел в учебник 1969 г. определения основных видов библиографии через категорию «деятельность» [9]. В 1970—1980-е гг. системно-деятельностную концепцию библиографии активно разрабатывала Э.К. Беспалова.

Выводы

Результаты дискуссии показали, что в библиографоведении сложились основные факторы, повлекшие концептуальную перестройку теории. Изменилась исследовательская проблематика в связи с уточнением объекта и предмета библиографии. Появились новые приемы исследования на базе расширения общенаучной методологии и использования новых источников получения знания. Намечались существенные изменения в организации научной работы, уточнялся и предмет преподавания [8, с. 42—43].

Дискуссия стала рубежом, на котором подготовительный этап развития отечественной теории библиографии закончился и начался период ее становления на абстрактно-теоретическом уровне. Качественно новая ступень в развитии теории библиографии, достигнутая в ходе дискуссии, создала предпосылки для разработки первого терминологического стандарта и утверждения научных концепций: в 1970-е гг. на новом теоретическом уровне была обоснована книговедческая концепция А.И. Барсука [6] и документографическая концепция О.П. Коршунова [18].

Общие итоги дискуссии по теоретическим проблемам библиографии 1950—1960-х гг.:

1. Впервые проведено четкое уровневое деление библиографии на науку и производственную

деятельность;

2. Впервые библиография определена как сфера деятельности;

3. Библиографическая деятельность осознана как объект научного осмысления;

4. В содержании библиографической деятельности рассматривались не только процессы библиографирования, но и библиографического обслуживания;

5. Выработанные в ходе дискуссии основные термины и определения закреплены в ГОСТ 16448—70 «Библиография. Термины и определения»;

6. Началась переработка учебных курсов общей и отраслевых библиографий: выбран путь минимизации в заучивании огромного фактического материала и углубления изучения теории и методики библиографической деятельности;

7. Выработаны основы новой парадигмы, которая в 1980-е гг. утвердилась в области библиографоведения, библиографического образования и профессиональной терминологии.

Таким образом, значимость дискуссии в том, что благодаря ей, кроме приращения знания и его аргументации, были поставлены и исследованы научные проблемы: границы и взаимоотношения библиографии и книговедения, метасистема библиографии, объект и предмет библиографоведения и библиографии, видовая структура библиографии и др.

Список источников

1. Антипина Ю.П. О критической библиографии и терминологической путанице / Ю.П. Антипина, М.А. Брискман, Н.С. Лебедева // Сов. библиогр. — 1956. — № 42. — С. 45—49.
2. Баренбаум И.Е. К вопросу о предмете библиографической науки // Сов. библиогр. — 1962. — № 4. — С. 34—45.
3. Барсук А.И. Насущные проблемы литературной библиографии // Сов. библиогр. — 1958. — Вып. 51. — С. 22—36.
4. Он же. Жизненные вопросы теории и практики библиографии // Сов. библиогр. — 1967. — № 2. — С. 3—26.
5. Он же. О книговедении как комплексной науке (Книговедение и библиография) // Книга. Исслед. и материалы. — 1968. — Сб. 17. — С. 35—53.
6. Он же. Библиографоведение в системе книговедческих дисциплин: методол. очерк / А.И. Барсук. — М.: Книга, 1975. — 208 с.
7. Беспалова Э.К. Формирование библиографической мысли в России (до 60-х гг. XIX в.) / Э.К. Беспалова. — СПб.: Профессия, 2007. — 316 с.
8. Она же. Избранное. Статьи за 20 лет [В 3 т.] Т. 2: История библиографии / Э.К. Беспалова. — М., 1994. — 222 с.
9. Библиография. Общий курс / под ред. М.А. Брискмана и А.Д. Эйхенгольца. — М.: Книга, 1969. — 560 с.
10. Брискман М.А. Спорные вопросы теории библиографии и построение учебника «Общая библиография»

- // Сов. библиогр. — 1960. — Вып. 3. — С. 78—95.
11. *Он же.* Роль советских библиотек в развитии советской библиографии // Труды ЛГБИ. — Л., 1968. — Т. 19. — С. 183—204.
 12. *Васильева Т.А.* Развитие теоретических представлений в области справочно-библиографического обслуживания в СССР // Состояние и тенденции развития общей ретроспективной библиографии и библиографического обслуживания специалистов в универсальных научных библиотеках: вопросы библиографоведения: сб. науч. тр. / ГБЛ. — М., 1983. — С. 115—132.
 13. *Вытяжков В.Т.* О предмете библиографии // Сов. библиогр. — 1956. — Вып. 44. — С. 40—45.
 14. *Денисьев В.Н.* Общая библиография: учеб. пособие для учащихся библиотечных техникумов / В.Н. Денисьев. — 3-е изд., перераб. — М., 1954. — 224 с.
 15. *Здобнов Н.В.* Избранное: тр. по библиографоведению и книговедению / Н.В. Здобнов. — М.: Книга, 1980. — 272 с.
 16. *Коршунов О.П.* Книга — Библиография — Читатель: (к вопросу о целевом и читательском назначении рекомендательных библиогр. пособий) // Сов. библиогр. — 1968. — № 1. — С. 20—37.
 17. *Он же.* Библиография как система (Опыт постановки вопроса) // Сов. библиогр. — 1972. — № 1. — С. 52—75.
 18. *Он же.* Проблемы общей теории библиографии / О.П. Коршунов. — М.: Книга, 1975. — 191 с.
 19. *Кун Т.* Структура научных революций / Т. Кун. — М.: Прогресс, 1975. — 300 с.
 20. *Леликова Н.К.* Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX — первой трети XX в. / Н.К. Леликова. — СПб.: Изд-во РНБ, 2004. — 415 с.
 21. *Мануйлова Е.А.* Теоретическое самоосознание библиографии (основные этапы, состояние, перспективы): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / Е.А. Мануйлова. — М., 2000. — 16 с.
 22. *Марков И.Г.* О предмете и методе библиографии // Труды Московского государственного библиотечного института. — М., 1948. — Вып. 4. — С. 101—134.
 23. *Марковская Г.М.* К вопросу о науке библиографии // Ученые записки / МГИК. — М., 1960. — Вып. 6. — С. 167—179.
 24. *Общая библиография: учеб. для библиотечных ин-тов / под ред. А.Д. Эйхенгольца.* — М.: Сов. Россия, 1957. — 464 с.
 25. *Решетинский И.И.* О теории и практике библиографии // Сов. библиогр. — 1956. — Вып. 42. — С. 37—44.
 26. *Он же.* Некоторые спорные вопросы теории библиографии / И.И. Решетинский, В.А. Николаев // Сов. библиогр. — 1960. — № 5. — С. 3—16.
 27. *Рубакин Н.А.* Психология читателя и книги: краткое введение в библиологическую психологию / Н.А. Рубакин. — М.: Книга, 1977. — 264 с.
 28. *Симон К.Р.* Избранное / К.Р. Симон. — М.: Книга, 1984. — 240 с.
 29. *Смирнова Б.А.* Библиография и руководство чтением // Сов. библиогр. — 1949. — Вып. 3(28). — С. 3—19.
 30. *Она же.* Вернемся к рекомендательной библиографии // Сов. библиогр. — 1972. — № 4. — С. 63—83.
 31. *Соколов А.В.* Ретроспектива-70: биобиблиографический отчет / А.В. Соколов. — СПб., 2004. — 376 с.
 32. *Теплов Д.Ю.* Развитие взглядов на предмет библиографии в работах отечественных библиографов // Труды / ЛГИК. — 1968. — Т. 19. — С. 205—234.
 33. *Троповский Л.Н.* Вопросы библиографии на библиотечно-библиографическом совещании // Красный библиотекарь. — 1937. — № 4. — С. 52—60.
 34. *Урсул А.Д.* Гносеологические особенности научной дискуссии // Вопр. философии. — 1978. — № 3. — С. 104—109.
 35. *Шамурин Е.И.* Книговедение, теория и история библиографии в советской литературе 1917—1958 годов // Масанов Ю.И. Теория и практика библиографии: указ. лит. 1917—1958; под ред. и со вступ. ст. Е.И. Шамурина. — М., 1960. — С. 3—36.
 36. *Он же.* Словарь книговедческих терминов / Е.И. Шамурин. — М.: Сов. Россия. — 1958. — 340 с.